

81. Slezkine, Y. *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*, Ithaca: Cornell University Press, 1994.

82. Velychenko, S. The Issue of Russian Colonialism in Ukrainian Thought. Dependency Identity and Development, *Ab Imperio*, 2002, no. 1, pp. 323–367.

83. Wolff, L. *Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*, Stanford, CA: Stanford University Press, 1994.

Ш. А. Гапуров¹,
В. Х. Магомаев²

«ПЕВЦЫ СВОБОДЫ», «НЕВОЛЬНИКИ ЧЕСТИ». КАВКАЗСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ДЕКАБРИСТОВ, РУССКИХ ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ – УЧАСТНИКОВ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

В работе рассматривается влияние Кавказа и горской культуры на творчество декабристов, русских поэтов и писателей – участников Кавказской войны. Особое место уделено теме войны и мира в их произведениях.

Ключевые слова: Кавказская война, Лермонтов, декабристы, русские литераторы, горцы.

В наши дни вокруг вопросов, связанных с Кавказской войной, идут ожесточенные дискуссии: о причинах, хронологии, содержании, итогах, уроках. Отрадно отметить, что в последнее время среди кавказоведов наметилось определенное сближение позиций, наметились точки соприкосновения, исчезли резкие определения. Заметным шагом в этом направлении явилась и научная конференция «Кавказская война: символы, образы, стереотипы», прошедшая 28 февраля – 2 марта 2014 года

¹ ГАПУРОВ Шахрудин Айдиевич – доктор исторических наук, профессор, Президент Академии наук Чеченской Республики, Заслуженный деятель науки Чеченской Республики, г. Грозный, Россия. Электронная почта: Gapurov2011@mail.ru.

² МАГОМАЕВ Ваха Хасаханович – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом истории народов Северного Кавказа Академии наук Чеченской Республики, г. Грозный, Россия. Электронная почта: vakha_53@list.ru.

в Геленджике (с. Кабардинка). Она была организована Южным филиалом Российского института культурологии Министерства культуры Российской Федерации.

Кавказская война всегда, с момента ее возникновения в начале XIX века, была «жгучей» темой. И споры о ней, особенно о ее методах, начались в просвещенном российском обществе уже с 20-х годов XIX века.

Кавказ, далекая окраина, еще не полностью присоединенная к Российской империи, где шла кровавая война, где гибли русские солдаты, в 20–40-е годы XIX века оставался малоизвестным краем для подавляющей массы российского общества. Этнографы и историки еще только приступали к изучению этой далекой территории, где к тому же шла война. И в основном писали о Кавказе участники военных действий, те, кто видел горцев в основном сквозь прицел ружья. Писали по-разному. «Движение горцев Дагестана и Чечни под флагом кавказского мюридизма, затрагивавшее интересы слишком многих людей, общественные круги различных народов и стран, не располагало к спокойной, трезвой, объективной и реалистичной оценке этого крупного и трагического явления», – писал В. Г. Гаджиев [3, с. 60].

И. В. Гудович, главнокомандующий Кавказской армией в 1806–1809 годах, так характеризовал чеченцев: «...Народ злой, дикий, к хищничеству и воровству более всех горских народов склонный» [12, с. 429]. Прошло почти три десятка лет и титулярный советник Покровский, служивший на Кавказе, писал уже о всех горцах: «Что касается до горских жителей, то они даже за людей могут быть признаваемы по одному наружному подобию; образом же жизни и действиями едва отличаются от зверей. Многие из них, кочуя на бесплодных утесах и пребывая в совершенной дикости, не имеют ни мирных отношений к другим народам, ни постоянного союза сами между собою, чужды всяких благородных чувствований и даже правильных понятий» [7, с. 50].

Однако среди российских военачальников и высших чиновников на Кавказе были и такие, кто с уважением относился к горцам, пытался разобраться в причинах столь длительного их сопротивления российской власти, найти приемлемые (а не только военные) методы установления российской власти

на Кавказе. Генерал М. Я. Ольшевский, проведенный на Кавказе 25 лет, много воевавший в Чечне, отмечал: «Чеченцев, как своих врагов, мы старались всеми мерами унижать и даже достоинства их обращать в недостатки. Мы их считали народом до крайности непостоянным, легковверным, коварным и вероломным потому, что они не хотели исполнять наших требований, не сообразных с их понятиями, нравами, обычаями и образом жизни. Мы их так порочили только потому, что они не хотели плясать по нашей дудке, звуки которой были для них слишком жестки и оглушительны. Чеченцы обвинялись нами в легковверии и непостоянстве за то, что они отрекались от своих обещаний и даже изменяли нам. Да были ли ясно истолкованы наши требования и были ли поняты ими как следовало? В свою очередь, не имели ли права чеченцы обвинять нас за то, что мы, русские, сами были нарушителями заключаемых с ними условий.

Чеченцы укорялись нами в коварстве и вероломстве, доходившем до измены. Но имели ли право мы укорять целый народ за такие действия, о которых мы трактовали не со всем чеченским населением, а с десятком чеченцев, не бывших ни представителями, ни депутатами» [13, с. 65]. Один из неустановленных авторов проекта «О покорении Кавказа» отмечал, что покорение не должно сводиться лишь к тому, что занимается место, ставится крепость и военные ходят под прикрытием пушек и батальонов, надеясь на повиновение местных жителей. «Желая покорить людей, – писал он, – нужно же подумать и о том, чтобы они видели в покорности, образованной завоевателями, и пользу... Необходимо определить точно, – чего мы хотим от народа. Должна существовать ясно определенная система последовательных действий, как-то: 1) хорошая администрация; 2) хорошие школы; 3) хорошие дороги. Не всякий полковой командир может быть хорошим администратором. Нужно завести особое училище – собрать там 3–4 десятка способных молодых офицеров. В течение двух-трех лет они должны изучить местные языки и все сведения, относящиеся к Кавказу. Тогда из них получатся хорошие администраторы для Кавказа» [5, с. 116].

Эта мысль – вместо тотального использования силы при установлении российской власти на Кавказе необходимо по-

казать горцам выгоды, преимущества жизни в государстве Российском – будет звучать у многих представителей здравомыслящей части российского общества в XIX веке. В период своей службы на Кавказе А. С. Грибоедов, обращаясь к своему начальству в Тифлисе, писал: «Не навязывайте здешнему народу не соответствующих его нравам и обычаям законов, которых никто и не понимает, и не принимает. Дайте народу им же самим выбранных судей, которым он доверяет. Если возможно, то не вмешивайтесь в его внутреннее управление, пусть в органах управления и в суде присутствуют депутаты, назначенные правительством, а в остальном не прибегайте ни к какому насилию» [4, с. 574–575].

Особую роль в сближении русских и горцев в XIX веке займут русские писатели, поэты и особая категория русских людей, заброшенная на Кавказ в силу особых обстоятельств, – декабристы.

Большинство из них стали участниками Кавказской войны, участвовали в боевых действиях против восставших горцев. Но при этом относились к горцам с глубоким уважением и с большой любовью – к самому Кавказу. (Вспомним М. Ю. Лермонтова – «Как сладкую песню Отчизны моей, люблю я Кавказ»). Эти люди пытались понять – чем обусловлено, что горцы так много лет и так упорно воюют? И почти все приходили к выводу: они воюют за свою свободу. Именно это обстоятельство и вызывало восхищение горцами. Так, например, А. Бестужев-Марлинский в письме к братьям от 24 декабря 1832 года писал: «Я топтал снега Кавказа, я дрался с сынами его – достойные враги. Как искусно они умеют сражаться, как героически решаются умирать» [11, с. 149].

Участник Кавказской войны, много лет воевавший в Чечне, писатель и поэт К. Белевич так отзывался о чеченцах: «У чеченцев нет привилегированных сословий: нет князей и бекков, как у кабардинцев, кумыков и дагестанских народцев: зато каждый чеченец говорит: “я уздень”. Но это не мешает им ходить за сохой или возить дрова на базар... В этом отношении чеченские уздени несколько не подражают неразумному обычаю кабардинских узденей и осетинских алдар, которые, когда прижмет нужда, скорее отправятся на воровство, но ни за что не замажут на черной работе своих привилегированных рук.

...Чеченцы вообще трудолюбивы и одарены практическим смыслом. <...> К характеристическим чертам этого храброго народца следует отнести: гостеприимство, замечательную чистоту и опрятность в жилищах и солидную, без чванства, гордость» [1, с. 187, 189].

Почему же тогда эти достойнейшие представители русского общества воевали с горцами? Но разве у них был выбор? Они были офицерами и солдатами российской армии, дворянами и были людьми чести в самом высоком понимании этого слова. И они выполняли свой долг, воевали с горцами, которые, говоря словами декабриста Н. И. Лорера, «мне ничего не сделали и против которых и я ничего не имею» [10, с. 244]. Декабрист В. С. Норов вторит Лореру: «Признаюсь, что я шел в бой за дело, которое мне было совершенно чуждо... Я был тем более далек от того, чтобы считать черкесов своими врагами... Я всегда восторгался их героическим сопротивлением» [Цит. по: 3, с. 63]. (Н. И. Лорер и воевал-то с горцами весьма своеобразно. В большинстве случаев он шел в бой с палкой вместо ружья. Зная об этом, и горцы старались не стрелять в этого «странного русского») [10, с. 19]. Декабристы и русские литераторы первой половины XIX века, воевавшие на Кавказе, были «невольниками чести», говоря словами М. Ю. Лермонтова. Но были и «певцами свободы», в своих мемуарах и литературных произведениях восхваляя горцев, воевавших в течение многих лет за свою свободу.

Русские писатели и поэты, участники Кавказской войны (А. И. Полежаев, М. Ю. Лермонтов, К. Белевич, Л. Н. Толстой), декабристы вовсе не были против присоединения Кавказа к России. Напротив, высоко оценивали важность Кавказа для России. Были уверены, что Россия несет кавказцам цивилизацию, закон и порядок. Так, поэт-декабрист А. Полежаев в стихотворении «Кладбище Герменчукское» писал: «Пришел он (русский стан. – **Авт.**) с русскими орлами // Восстановить права людей, // Права людей – права закона // В глухой далекой стороне» [14, с. 97].

Декабристы, здравомыслящие русские люди, судьбой заброшенные на Кавказ, были против жестоких военных, силовых методов его присоединения к России. Следует учесть и другое: к моменту приезда на Кавказ эти люди вовсе не

испытывали уважительные чувства к горцам. Для них они первоначально были повстанцами, которые восстали против русской власти, русской армии. И лишь после того, как они заводили знакомых и даже друзей среди горцев, близко знакомились с их жизнью, они начинали разбираться в тех сложных обстоятельствах, которые породили Кавказскую войну, и понимать мотивы, которые двигали воюющими горцами. Так, декабрист М. М. Корсаков, поручик лейб-гвардии Гренадерского полка, переведенный на Кавказ в Куринский пехотный полк, служивший в 1830-е годы в Чечне и в Дагестане, в первый год пребывания в крае весьма резко и нелюбезно отзывался о горцах в своих письмах к родным. В одном из них он писал: «Совершенное истребление всего живого в неприятельских аулах... есть вернейший способ усмирить буйство их (горцев. – **Авт.**). Они непривычны к милосердию и умеют только повиноваться при жестоких мерах начальства» [15, с. 72]. В Дагестане, в Дербенте М. М. Корсаков знакомится с А. Бестужевым-Марлинским и под его влиянием начинает присматриваться к жизни и быту кавказцев, общаться с ними. Вскоре среди горцев у него появляются и друзья. И человек, который в 1831 году писал, что горцев «надобно держать в ежовых рукавицах», через два года, в 1833 году, в письме к матери будет совсем по-другому отзываться о дагестанцах и чеченцах: «С некоторого времени люблю их дикую свободу, люблю их бурную храбрость, люблю их пылкость, и самая дикая природа среди них мне нравится» [15, с. 73].

Профессор Х. В. Туркаев, анализируя кавказский период творчества Л. Н. Толстого, отмечал: «Написанию кавказских произведений Л. Н. Толстого предшествовала его кропотливая работа по устранению “психологической несовместимости” между ним, русским, и горцами. В истории русско-вайнахских отношений этот факт имеет огромное значение: дружба Толстого с чеченцами и представителями других народностей Северного Кавказа ознаменовала собой преодоление психологических барьеров недоверия между русской интеллигенцией и простыми горцами, начало новых русско-кавказских культурных отношений» [17, с. 61]. Подобную эволюцию взглядов на северокавказских горцев проходили практически все декабристы и литераторы, сосланные на Кавказ.

Литераторы и декабристы, о которых мы говорим, имели одно главное качество: желание и способность разобраться в том, что происходило на Северном Кавказе в годы Кавказской войны. Чего, скажем, не было у тех, кто привел к этой войне и к событиям конца XX века в том же регионе. Причем мы имеем в виду обе стороны – и российскую, и горскую.

Жуткие реалии Кавказской войны вызывали неприятие и отторжение у многих здравомыслящих людей, вынужденно принимавших участие в этой трагедии. И не случайно, что именно после Валерикского боя М. Ю. Лермонтов и напишет свои известные строки: «Окрестный лес, как бы в тумане, // Синел в дыму пороховом, // А там вдали – грядой нестройной, // Но вечно гордой и спокойной, // В своем наряде снеговом // Тянулись горы, – и Казбек // Сверкал главой остроконечной. // И с грустью тайной и сердечной, // Я думал: жалкий человек... // Чего он хочет? ...Небо ясно, // Под небом места много всем, – // Но беспрестанно и напрасно // Один враждует он... зачем» [8, с. 145].

Современный исследователь кавказского творчества М. Ю. Лермонтова А. А. Шамурзаев отмечает, что в стихотворении «Валерик» поэт «впервые выразил свое отношение к вражде, существующей между людьми на земле. Он осмыслил этот важный и враждебный духу человека вопрос непосредственно на поле Валерикского сражения» [19, с. 150].

Дело, однако, в том, что М. Ю. Лермонтов был не первый и не последний участник Кавказской войны, который задавался этим вопросом: «Зачем враждует человек?». Этот философский вопрос порождался огромным диссонансом между изумительной красотой кавказской природы и страшными сценами Кавказской войны.

По имеющемуся у нас материалу, впервые в литературе он был введен в оборот бароном Торнау при описании Герменчукского боя 1832 года.

Герменчук в то время был самым большим и богатым аулом в Чечне (в нем было около 600 домов). Поскольку у жителей аула не было артиллерии, то на практически ровной местности отбиться от хорошо вооруженной армии у жителей аула не было ни малейшего шанса. Тем не менее защитники аула показали чудеса героизма. Большая часть аула была

взята, как только Вельяминов отдал приказ о штурме. Однако на одном конце селения стояли три сакли, где засела группа чеченских и дагестанских повстанцев. Дальнейшие события барон Торнау описывал так: «Услышав, что чеченцы, которые забаррикадировались в трех домах и отказывались сдаться, открыли шквальный огонь, уже убили подполковника и ранили нескольких солдат, Вольховский (начальник штаба) выслал подполковника Брюмера, командира артиллерии Всевожского и Богдановича лично решить эту проблему. <...> Был отдан приказ прекратить огонь и поджечь дома... Солдаты проползли к узкой стороне дома, сделали пролом в фундаменте и подожгли стену, которая начала плавиться под огнестойким покрытием. Чеченцы продолжали стрелять с этой стороны, пока жар не вынудил их отступить. <...> Врагам оставалось либо сдаться, либо сгореть заживо. Вольховскому было жаль храбрецов, и он приказал пожилому моздокскому казаку Атарщикову, который служил переводчиком, предложить им сложить оружие, пообещав в этом случае не только сохранить им жизнь, но и обменять на русских пленных, дав им надежду вернуться к семьям. Стрельба прекратилась, когда Атарщиков обратился к оборонявшимся на чеченском языке, сказав, что хочет вступить с ними в переговоры. Оборонявшиеся выслушали его, посоветовались в течение нескольких минут, и затем вперед вышел полуобнаженный, черный от дыма и пороха чеченец и заговорил. Его речь сопровождалась залпом из всех проломов в стене. Вот что он сказал: “Мы не хотим сдаваться. Мы просим у русских одной лишь милости: сообщить нашим семьям, что мы погибли, как и жили, отказываясь подчиниться власти иноземцев”.

На этот раз был отдан приказ вести обстрел домов со всех сторон. Солнце уже зашло, и картину разрушений освещало лишь зарево пожара. Чеченцы, твердо решившие погибнуть, но не сдаваться, запели свою песню смерти, сначала громко, а потом все тише и тише, по мере того как число поющих уменьшалось под действием огня и дыма. Но смерть от огня – ужасная вещь, которую не все могут вынести. Внезапно дверь горящего дома распахнулась. На пороге стоял человек. Раздался залп, и мимо наших голов просвистела пуля; затем с саблей в руке чеченец бросился на нас. Широкоплечий Атар-

щиков позволил безумцу приблизиться к нам на 10 шагов, спокойно прицелился и выстрелил ему в грудь. Чеченец подпрыгнул, упал, снова поднялся на ноги, выпрямился во весь рост и только после этого рухнул на родную землю. Через пять минут сцена повторилась: еще один чеченец выскочил из дома, выстрелил и с саблей в руке прорвался сквозь две линии стрелков – и пал от удара штыком. Горящие сакли стали разваливаться, искры разлетались по всему саду. Из дымящихся развалин выползли шесть раненых дагестанцев, которые лишь чудом остались в живых. Солдаты подняли их и отнесли в палатки, где им оказали врачебную помощь. Ни одного чеченца не удалось взять живым. В пламени погибло 72 человека.

Начался последний акт этой кровавой драмы. Ночь накрыла поле боя. Все выполнили свой долг в соответствии с совестью и убеждениями. Главные действующие лица ушли в вечность; остальные, вместе со зрителями, укрылись в своих палатках. Вероятно, в глубине души задавали себе вопрос – кому и зачем все это нужно? Разве на земле мало места всем, вне зависимости от языка, на котором они говорят, и вероисповедания» [16, с. 133–135]. (Подчеркнуто нами. – Авт.).

Как мы уже отмечали, участником военных действий 1832 года в Чечне, в том числе и Герменчукского боя, был и сосланный на Кавказ декабрист-поэт А. Полежаев. 25 мая 1832 года к своему другу А. П. Лозовскому он писал: «Среди ежедневных стычек и сражений при разных местах в Чечне, в шуму лагеря, под кровом одинокой палатки, в 12 и 15 градусов мороза, на снегу, воспламенял я воображение свое подвигами прошедшей битвы, достойной примечания в летописях Кавказа, и в 11 дней написал присылаемый к тебе «Чир-Юрт»» [14, с. 259].

Военные действия в Чечне в 1832 году были чрезвычайно кровопролитными, сопровождалась уничтожением большого количества чеченских селений. Поэма «Чир-Юрт» написана А. Полежаевым под впечатлением тяжелого боя под одноименным чеченским селением и его последующего уничтожения. «Чир-Юрт отважный, непокорный! // Ты грозно бился, грозно пал // С твоей гордынею упорной. ... Все истребляет, бьет и губит. // ...Кинжал и шашка казака. // ...Неумолимая рука

не знает строгого разбора: // Она разит без приговора // С невинной девой старика // И беззащитного младенца» [14, с. 273], – восклицает поэт.

Участник и свидетель многих сражений в Чечне и в Дагестане, Полежаев приходит к важному выводу, что насилие порождает новое насилие, что бесконечные походы российских войск против горцев не ведут к их «умиротворению». Регулярные военные действия против горцев начались, по мнению Полежаева, еще при Ермолове, но мира на Кавказе все еще нет. «Ермолов, грозный великан // И трепет буйного Кавказа! // Ты, как мертвящий ураган, // Как азиатская зараза, // В скалах злодеев пролетал». Затем – время генерала Грекова, его походы против горцев. Но каков результат: «Что грохот вашего Перуна? // Что миг коварной тишины? // Народы Сунжи и Аргуна – // Доныне в пламени войны. // Брега Койсу. Брега Кубани // Досель обмыты кровью брани» [14, с. 264, 265]. И, наконец, полное отрицание войны как средства решения любых проблем: «Да будет проклят злополучный, // Который первый ощутил // Мученья зависти докучной: // Он первый брата умертвил! // Да будет проклят нечестивый, // Извлекший первый меч войны // На те блаженные страны, // Где жил народ миролюбивый!» [14, с. 272]. В то же время, справедливости ради, нужно отметить, что А. Полежаев в своих «кавказских» произведениях неоднократно употребляет по отношению к горцам эпитеты «хищники», «варвары», «злодеи», «враги» и т. п. То, чего никогда не позволяли себе ни А. С. Пушкин, ни А. Бестужев-Марлинский, ни М. Ю. Лермонтов, ни Л. Н. Толстой. У М. Ю. Лермонтова же практически все «кавказские» произведения проникнуты чувством глубокого уважения к народам Кавказа. Так, образ старика-чеченца ассоциируется у него с народной мудростью: «И под столетней мшистою скалою // Сидел чечен однажды предо мною, // Как серая скала, седой старик, // Задумавшись, главой свой поник... // Быть может, он о родине молился! // И, странник чуждый, я прервать страшился // Его молчанье и молчанье скал: // Я их в тот час почти не различал!» [9, с. 175].

Участником военных действий в Чечне в 30–40-е годы XIX века, в самый ожесточенный период Кавказской войны, был и декабрист А. П. Беляев, который также повторил мысли

Торнау, Полежаева и Лермонтова о бессмысленности и бесчеловечности войны и вражды между людьми. В своих воспоминания о военной экспедиции 1842 года в Чечне он писал: «Какая противоположность! Прелестная роскошная природа, светлые небеса, беспечно журчащие струи живописной реки, картины мира и тишины – и ожесточенная борьба человека, проливающего с наслаждением кровь своего ближнего, хотя и врага» [2, с. 97].

Тема отрицания войны как средства решения земных проблем будет почти дословно продолжена вслед за М. Ю. Лермонтовым и другими русскими литераторами, Л. Н. Толстым в первом же его кавказском произведении – «Набег». Размышляя о страшных буднях Кавказской войны, Лев Николаевич пишет: «Неужели тесно жить людям на этом прекрасном свете, под этим неизмеримым звездным небом? Неужели может среди этой обаятельной природы удержаться в душе человека чувство злобы, мщения или страсти истребления себе подобных? Все недоброе в сердце человека должно бы, кажется, исчезнуть в прикосновении с природой – этим непосредственным выражением красоты и добра» [6, с. 99]. В кавказских произведениях Толстого война нарушила первоисходные представления человека о добре, поколебала изначальные нравственные нормы, отстаиваемые писателем. И в то же время главная цель этих произведений, имеющих глубокий философский подтекст: уловить в бесчеловечных аномалиях войны своего рода гуманистическую «норму», сохраняющую, если можно так выразиться, критическую человеческую массу от нравственного распада [18. с. 115].

Использованная литература:

1. Белевич К. П. Несколько картин из Кавказской войны и нравов горцев. СПб., 1891.
2. Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и передуманном. Красноярск: Кн. изд-во, 1990.
3. Гаджиев В. Г. Приют русского свободомыслия // Научная мысль Кавказа. 1995. № 4. С. 60–65.
4. Грибоедов А. С. Сочинения. М., 1954.
5. Ибрагимова З. Х. Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период. М., 2006.
6. Кавказ и Л. Толстой. 1898–1923. Владикавказ, 1928.

7. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб., 2005.
8. Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6-ти т. М.; Л., 1954. Т. 2.
9. Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6-ти т. М.; Л., 1956. Т. 3.
10. Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984.
11. Марлинский А. Полное собрание сочинений. СПб., 1838. Т. 2.
12. Материалы для истории Северного Кавказа 1787–1792 гг. (продолжение) // Кавказский сборник. Тифлис, 1897. Т. 18.
13. Ольшевский М. Я. Кавказ с 1841-го по 1866 год. СПб., 2003.
14. Полежаев А. Стихотворения. Поэмы. Переводы. Воспоминания современников. М., 1990.
15. Родина. 2000. № 1–2. С. 71–77.
16. Т. [Торнау Ф. Ф.] Воспоминания о Кавказе и Грузии // Русский вестник. М., 1869. № 3. С. 102–155.
17. Туркаев Х. В. Л. Н. Толстой и формирование северокавказского просветительства // Л. Н. Толстой и Чечено-Ингушетия. Грозный, 1989.
18. Хазан В. И. О вечных проблемах в кавказских рассказах Л. Н. Толстого // Л. Н. Толстой и Чечено-Ингушетия. Грозный, 1989.
19. Шамурзаев А. А. Роль и место чеченца Боты Шамурзаева в творчестве М. Ю. Лермонтова. Грозный. 2004.

**«LYRICISTS OF FREEDOM», «CAPTIVES OF HONOR».
CAUCASIAN MOTIVES IN DECABRIST'S CREATIVITY,
RUSSIAN POETS AND WRITERS – THE PARTICIPANT
OF THE CAUCASIAN WAR**

GAPUROV, Shakhrudin – Dr. Sc. (National History), Prof., President, Academy of Science of the Chechen Republic, Grozny, Russia.

E-mail: gapurov2011@mail.ru

MAGOMAEV, Vakha – Dr. Sc. (National History), Prof., Head, Department of History of the Ethnics of the North Caucasus, Academy of Science of the Chechen Republic, Grozny, Russia.

E-mail: vakha_53@list.ru

The article considers the influence of the mountaineers culture on the creativity of decabrists, Russian poets and writers which were the

participants of the Caucasian war. Particular attention is paid to the theme of war in their works.

Keywords: *Caucasian war, Lermontov, decabrists, Russian authors, highlanders.*

References:

1. Belevich, K. P. *Neskol'ko Kartin iz Kavkazskoy Voyny i Nravov Gortsev* (A Few Pictures of the Caucasian War and of the Mores of the Highlanders). St. Petersburg, 1891.

2. Belyaev, A. P. *Vospominaniya Dekabristsa o Perezhitom i Peredumannom* (The Memoires Of the Decabrist about Bygone and Considered). Krasnoyarsk, 1990.

3. Gadzhiev, V. G. Priyut russkogo svobodomyслиya (The Asylum of Russian Freethinking), *Nauchnaya Mysl' Kavkaza*, 1995, no. 4, pp. 60–65.

4. Griboedov, A. S. *Sochineniya* (Works). Moscow, 1954.

5. Ibragimova, Z. Kh., *Chechenskiy narod v Rossiyskoy Imperii: adaptatsionnyy period* (Chechen People in Russian Empire: the Adaptation Period). Moscow, 2006.

6. *Kavkaz i Lev Tolstoy. 1898–1923*, (Caucasus and Leo Tolstoy). Vladikavkaz, 1928.

7. *Kavkaz i Rossiyskaya Imperiya: proekty, idei, illyuzii i real'nost'. Nachalo XIX – nachalo XX vekov* (Caucasus and Russian Empire: Projects, Ideas, Illusions and Reality. The Beginning of the 19th cent. – the Beginning of the XX cent.). St. Petersburg, 2005.

8. Lermontov, M. Yu. *Sochineniya* (Works), 6 vols., Vol. 2. Moscow; Leningrad, 1954.

9. Lermontov, M. Yu. *Sochineniya* (Works), 6 vols., Vol. 3. Moscow; Leningrad, 1956.

10. Lorier, N. I. *Zapiski dekabrista* (The Decabrist's Notes). Irkutsk, 1984.

11. Marlinskiy, A. *Polnoe sobranie sochineniy* (Complete Works), Vol. 2. St. Petersburg, 1838.

12. *Materialy dlya istorii Severnogo Kavkaza 1787–1792 Godov* (Prodolzhenie) (Materials for the History of North Caucasus (continuation)), *Kavkazskiy sbornik*. Tiflis, 1897, Vol. 18.

13. Ol'shevskiy, M. Ya. *Kavkaz s 1841 po 1866 God* (Caucasus from the Year 1841 till 1866). St. Petersburg, 2003.

14. Polezhaev, A. *Stikhotvoreniya. Poemy. Perevody. Vospominaniya Sovremennikov* (Verses. Poems. Translations. Memoires of the Contemporaries). Moscow, 1990.

15. *Rodina*, 2000, no. 1–2, pp. 71–77.

16. T. [Tornau F. F.], *Vospominaniya o Kavkaze i Gruzii* (The Memoirs about Caucasus and Georgia). *Russkiy vestnik*, 1969, no. 3, pp. 102–155.

17. Turkaev, Kh. V. L. N. Tolstoy i formirovanie severokavkazskogo prosvetitel'stva (Leo Tolstoy and the Formation of the Enlightenment in the North Caucasus), in *L. N. Tolstoy i Checheno-Ingushetiya*. Grozny, 1989.

18. Khazan, V. I., O vechnykh problemakh v kavkazskikh rasskazakh L. N. Tolstogo (About the Perennial Problems in the Caucasian Novels by Leo Tolstoy), in *L. N. Tolstoy i Checheno-Ingushetiya*. Grozny, 1989.

19. Shamurzaev, A. A., *Rol' i mesto chechentsa Boty Shamurzaeva v tvorchestve M. Yu. Lermontova* (Role and Place of Chechen Man Boty Shamurzaev in the Creative Work of Mikhail Yu. Lermontov). Grozny, 2004.

Д. П. Кошубаев¹

ТВОРЧЕСТВО М. Ю. ЛЕРМОНТОВА: ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается творчество М. Ю. Лермонтова в этнографическом аспекте: «документальность» художественных описаний быта и нрава горцев, точность определения их национальной принадлежности. Приводятся и анализируются различные точки зрения по данному вопросу.

Ключевые слова: кавказоведение, киноверсия, литературный образ, язык персонажей, этнотип, психологический роман, универсальный образ.

1

В 1930 году на «Ленфильме» А. В. Ивановским по сценарию П. Е. Щеголева и начинающего литературоведа В. А. Мануйлова был снят первый биографический фильм о Лермонтове «Кавказский пленник» (второе название – «Гибель Лермонтова»). Естественно, что фильм соответствовал тогдашней конъюнктуре – показать «мятежного поэта», «великосветскую чернь», «прогнивший режим» и т. д. «Кавказский пленник» пользовался успехом у зрителей, но во время Великой Отечественной войны кинолента погибла. Тем ценнее одно из

¹ КОШУБАЕВ Джамбулат Пшимафович – заведующий отделом по выпуску литературы на русском языке Издательства «Эльбрус», Нальчик, Россия. Электронная почта: elbrus_book@mail.ru.